

Иван Аксаков

В чем наше историческое назначение?

Иван Сергеевич Аксаков

В чем наше историческое назначение?

«Манифест 25 января, возвещающий скорую коронацию нашего Государя, произвел довольно сильное впечатление на общественное мнение Европы и подал повод к оживленным газетным толкам. Почти три года сряду упражнялись там в скорбных причитаниях нашей «болезни насмерть», многие совсем было пропели России отходную... и вдруг – словно она восстала от мертвых! Как мало было искренности в соболезновании, так же мало ее и в приветии, с которым встречается это наше будто бы воскресение. В нем звучит худо скрытая нота испуга и некоторой досады на собственную несообразительность...»

Иван Сергеевич Аксаков
В чем наше историческое
назначение?

Манифест 25 января, возвещающий скорую коронацию нашего Государя, произвел довольно сильное впечатление на общественное мнение Европы и подал повод к оживленным газетным толкам. Почти три года сряду упражнялись там в скорбных причитаниях нашей «болезни насмерть», многие совсем было пропели России отходную... и вдруг – словно она восстала от мертвых! Как мало было искренности в соболезновании, так же мало ее и в привете, с которым встречается это наше будто бы воскресение. В нем звучит худо скрытая нота испуга и некоторой досады на собственную несообразительность. «Это не мы, эти сами же русские и их публицисты виноваты, – оправдывается раздосадованная „Кельнская Газета“. – Это они натвердили, что Россия чуть не разваливается, что внутри ее гнездится подтачивающий ее червь, что „положение наше отчаянное“, что „дальше так продолжаться не может“ – и пр., и пр.; как же было им не поверить?»... И вот, прежнее оскорбительное сожаление или даже презрение к России быстро сменяется теперь оскорбительным же, преувеличенным страхом.

Страх русской силы, вместе с ненавистью, снова растет в Европе... Такова доля нашей постоянно оболганной, оклеветанной, ни чужими, ни своими не зяемой, не понимаемой России!.. Ссылка немецкой газеты на русских публицистов известного пошиба вполне справедлива, но мы примем их под защиту. Упрека в злом умысле они не заслуживают: они только злые невежды, еще больше, чем сами иностранцы, потому именно, что воображают себя знающими и, в рабстве своего духа, менее свободны от условных западноевропейских точек зрения и критических мерил, чем сама она, Европа, госпожа и хозяйка их убогого, подражательного мышления. Впрочем, не к одним русским публицистам должны относиться эти слова, а едва ли не к большей части нашей так называемой «интеллигенции», не исключая и наделенной властью... Читатели «Руси» знают, сколько раз в течение двух лет приходилось ей противодействовать, по мере своих сил, этому лживому представлению о русском недуге и русской слабости. Сколько раз приходилось ей напоминать, что не в народе, не «внутри России гнездится под-

гачивающий ее червь», а снаружи, на поверхности, – что, напротив, в груди России, – «как тайна жизни невидим», Сокрыт, безвестен и могуч, по выражению русского вещего поэта, бежит и бьет неиссякаемый ключ силы духовной и жизненной, которым жива и живуча Россия, – которого, однако, не признает, которым пренебрегает наша кичливая «интеллигенция», который умышленно и неумышленно засоряется извне, загромождается сверху камнями и земляными глыбами, но который – мы верим – своротит когда-нибудь камни, пробьется сквозь все верхние наслоения и потечет величаво-мирным, мощным потоком... Если и из своих не многие еще способны понять и признать эту стихию внутренней жизненной силы, то чего же требовать от иностранцев? И надо ли удивляться, что и тем и другим она до сих пор непонятна, до сих пор представляется чем-то в роде чудовищного сфинкса?.. Мы же лично никогда особенно не восторгались и не обольщались внешнею мощью России, но никогда особенно и не смущались тою ее экономической немощью, над которою такие обильные и, по

правде сказать, дешевые слезы проливают наши «экономисты», – имя же оным у нас легион (кто теперь не сидит верхом на «статистике» и «политической экономии», полагая в цифрах лишь «всех загадок разрешение и разрешение всех задач»!). Вовсе не так грозна и сильна Россия, но и не так слаба, какою она мерещится Западу и нашим западникам, т. е. не там именно ее мощь и не там ее слабость, где они их полагают, сражаясь с призраками мнимой силы и мнимого бессилия.

Впрочем, по части средств ослабления России, если не всегда прямое сознание, то инстинкт Запада руководит им довольно верно. Одно из самых надежных средств ослабления, это, без сомнения, обезличение в смысле национальном, – это подрыв той нравственной народной «самобытности», которая как бельмо в глазу нашим псевдолибералам и которая сидит в коренной основе русского социального и политического строя. Вызвать Россию на отречение от себя самой, сдвинуть ее с ее исторического пути, усвоить ее вполне, не только по внешности, – но и со всеми глубинами народного духа, западной цивилизации, вот –

представляется Западу – наилучший способ, вовсе не для того, чтоб вызвать Россию к высшей плодотворной, культурной жизни, но чтоб обезвредить ее природную силу, поработить ее себе духовно и нравственно. Он было совсем обнадежился, судя по наружным признакам, что цель его уже наполовину достигнута, и вдруг – смутилась его надежда. С недавних пор стало чудиться ему (и, может быть, не напрасно), что в России действительно, не в шутку просыпается самосознание, что оно, хотя и медленно, все растет да растет и, споспешествуемое событиями, грозит исхитить у Запада его добычу, освободить – чего доброго – самую правящую среду из духовного плена... Если Россия не развалилась, не ослабла от тех внутренних затруднений, которые многие в Европе уже величали революционным кризисом, и, напротив, возвращается к жизни и деятельности, то теперь более чем когда-либо нужно, с точки зрения наших европейских друзей, заклисть в ней возрождение ее национальной духовной стихии. Но как заклисть? Кулаком «российского Геркуле-са» не испугаешь, – но есть другой способ

устрашения, или «интимидации» – нравственный. Можно застыдить его, например, его собственным варварством, необразованностью, отсталостью, избытком его грубой материальной силы и самым тем страхом, который он внушает культурному миру.

Это средство действует, по крайней мере действовало до сих пор наверняка. «Российский Геркулес», как известно, препростодушен и презастенчив; он действительно способен конфузиться от собственной богатырской мощи и до такой степени боялся до сих пор упреков в необтесанности и необразованности, что ничего так не желал, как придать себе турнюру иностранного денди с модной картинкой, и с прелюбезной улыбкой давал себя обирать – не только не защищаясь, но еще благодаря за деликатное обращение. К такому средству интимидации, путем возбуждения ложного стыда, именно теперь и прибегают иностранные, преимущественно немецкие, как австрийские, так и германские, публицисты. После первых смущенных приветствий, обращенных к России по поводу манифеста о коронации, «Кельнская Газета» разразилась

статьей, внушенной ее петербургским корреспондентом, где, возвещая о том, национальном, будто бы, направлении, которое имеет возобладать в русской державе при новом, т. е. настоящем царствований, – газета выставляет Россию каким-то страшным чудовищем, которое должно восстановить у себя времена татарщины, обрушиться на Европу и погубить в ней всякую культуру и цивилизацию. Одним словом – новое нашествие гуннов. При этом не обходится, конечно, и без намеков на нашу газету: «Это возвращение к татарщине и есть возвращение „домой!“», – говорит «Kolnische Zeitung», цитируя выражение «Руси» и тем напоминая столь знакомые нам фельетоны псевдолиберальных русских газет! Но, клича клич о крайней для Европы необходимости принять меры к самозащите, западноевропейские публицисты, хоть и не прочь пригрозить России войною, предпочитают, однако же, иное средство для предупреждения того внутреннего ее роста, которого так боятся. «Единственный консервативный интерес, которым Европа сопричастна России, – говорит официальный орган венгерского

правительства „Pester Lloyd“, – состоит в том, чтобы она, Россия, была втеснена или двинута (gedrängt) на путь иного образа правления (Regierungsform), такого, который был бы достоин Европы»... А «Кельнская Газета» даже не без сочувствия помещает на своих столбцах, в виде корреспонденции из Петербурга, содержание, а отчасти и выписки из какого-то объявления, декларации или «меморандума исполнительного комитета русской революционной партии». Меморандум этот, может быть, и подложный, а может быть, и нет, так как русских «революционеров» гуляет по белому свету немало; но во всяком случае он носит характер полного правдоподобия, потому что вполне бессмыслен.

Это какая-то пестрая смесь, попури, составленное союзом русских революционеров всех оттенков под общим именем «народников», из формул социалистической, анархической и конституционной, доктрины! В нем, например, предъявляется русской власти требование, чтобы до коронации, всенепременно к 1 мая, ни одним днем позднее, была установлена – excusez du peu – целая система мер

к передаче всех фабрик и заводов от фабрикантов до заводчиков – рабочим, а всякая поземельная личная собственность объявлена незаконною. Тут же требуется самостоятельность крестьянской общины, мира, (какие «славянофилы» – подумаешь!) и рядом – «свобода электоральной или выборной агитации» (sic) и «образование народного представительства», избранного по французскому принципу всеобщей подачи голосов (suffrage universel), с мандатами или инструкциями избирателей и полнотою власти в вершении дел, касающихся всего государства!.. Этот сумбур друг другу чуждых понятий, понадерганных из противоположных теорий и воззрений, этот лепет, не то что детский, но какой-то хлестаковский, венчается, конечно, обычным аргументом: угрозою кинжала и динамитом. Одно другому не противоречит: Хлестаков и «душа моя Тряпичкин» наших дней, по всей вероятности, с неменьшею развязностью ввали бы теперь о революции и конституции, как во время оно о департаментской службе и о литературе, и не прочь были бы, с легким сердцем, поиграть, пожа-

луй, в анархию и пошалить динамитом.

Тем не менее последний пункт требования (о народном парламенте по западноевропейскому образцу принят под покровительство немецкою газетою. В одном из последующих своих NoNo она снова возвращается к этому предмету. Да и не она одна, но и другие, более авторитетные органы немецкой печати – последние даже с видом благоволения и участия – преподают России наставления о необходимости «венчать дело реформ» прошлого царствования чем-нибудь «либеральным», по образу и подобию Западной Европы... «Кельнская Газета» снова ссылается на множество «просвещенных» русских, которые тяготеют такую «ретроградностью», или отсталостью своего отечества: «Даже болгарам, нами освобожденным, – будто бы говорят они, – дана европейская конституция, – Турцию считать теперь нечего, – и выходит таким образом, что мы одни, одни в Европе ее не имеем!».

«Мы одни в Европе». Да не в этом ли самом, может быть, вся наша заслуга, смысл нашего бытия и наше историческое назначение? Не храним ли мы еще одни в Европе, ес-

ли не «глаголы жизни лучших будущих времен», как говорит в своих стихах Тютчев, то хоть разрешение многих великих задач, удручающих теперь Европу? Только бы преуспело в нас самих народное самосознание, только бы не сворачивать нам с нашего народного исторического пути, и он доведет нас, он способен довести, с Божиею помощью, хотя бы медленно и сквозь многие испытания, к такому развитию наших народных начал бытовых, социальных, политических, в духе истинной свободы и мира, пред которым узок, скуден и насквозь лжив окажется пресловутый современный либерализм Запада... Почему же нужно такой великой стране, как наша, отказаться от оригинального, самобытного жизненного ответа на вовсе еще неразрешенные и едва ли разрешимые для остальной Европы вопросы и довольствоваться решениями чужими, шаблонными? Почему же непременно желательно, чтоб она покорно совлекла с себя свой образ и стала жалким подобием, – еще того хуже: пошла по чужим пятам и с лакейскою готовностью облеклась в сбрасываемые с себя Западом обноски? Разве

не доказано теперь очевидными фактами (о чем, помнится, в «Руси» было уже однажды говорено), что, разреши мы вопрос об освобождении крестьян лет 25 или 30 ранее – в духе европейского либерализма, они были бы освобождены так же, как Наполеон освободил польских крестьян в 1811 году и культурные остзейские немцы в 1819 г. латышей и эстов, т. е. без земли. Разве не к великому творению русских варваров 19 февраля 1861 г. простирают теперь свои взоры пролетарии Ирландии и других стран вечно похваляющейся своею цивилизацией и либерализмом Европы? И можно ли толкать Рос сию на путь западного парламентаризма именно теперь, когда даже на самой родине этой формы правления, в Англии, начинают сознавать ее неудобства и необходимость преобразования, а в континентальной Европе (где она происхождения более или менее революционного и до сих пор не пустила глубоких корней в народное сознание) ее то и дело видоизменяют или же пользуются ею только как благовидным орудием произвола партий и их тирании над народом? Говорить теперь о парламенте как о

каком-то идеале или «венце здания» для России, это именно и значит быть «ретроградом». Таковыми ретроgrадами и являются наши революционеры, что, впрочем, очень понятно: весь их ум и творчество выразились только в словах nihil и «долой», да в динамите; как скоро же они от отрицания переходят к положительному, то они, как школьники, повторяют с голоса чужие речи, не разумея их действительного смысла, путая вместе «крестьянский мир» и «парламент», «сельскую общину» и «электоральную агитацию». Гораздо более заслуживают осуждения те русские, на которых ссылается «Кельнская Газета» и которые, если не толкуют о «крестьянском мире», зато с пущим суеверием мечтают о политически властном парламенте...

Не мешало бы им несколько повнимательнее всмотреться в настоящее положение парламентской формы правления в Европе, – и, оставляя в стороне недоступную для подражания Англию, – обратиться хоть к Италии, к Франции и к их публицистике. Есть чему поучиться в сочинении известного итальянца Марко Мингетти «Политические партии и их

участие в юстиции и в администрации», по поводу которого имеется очень интересная статья в «Revue des Deux Mondes» известного политико-экономического писателя Лавеле под заглавием: «О парламентском режиме и о демократии», с указанием и на другие многие сочинения по тому же вопросу; не менее замечательна статья «О республике в 1883 г.», в февральской книжке того же журнала, неизвестного автора, – судя по языку, по литературной манере, самого Тэна. Более жестокой критики современного парламентаризма не мог бы измыслить и самый лютейший его враг, – и в то же время ни один из упомянутых авторов не в состоянии указать ни верного врачевания, ни надежной реформы: рядом с здравою, сильною критикою, положительная часть их рассуждений совершенно слаба. Как белка в колесе, вертятся они в сфере своих политических понятий, ищут исхода и не находят.

Для парламентаризма, по их словам, всюду наступил кризис, – не только на континенте Европы, но и в Англии, «где парламент почти уже перестал исполнять свои функции» и где,

по выражению Бисмарка, «золотой век парламентского режима уже миновал». Даже и в Америке, где его формы несколько иные, чем в большей части Европы (например, нет ответственного пред палатою министерства), «конгресс стал замкнутым поприщем грубых политиканов, и лучшие люди удаляются от публичной политической деятельности». Лавеле перебирает почти все парламенты, один за другим, подкрепляя свои замечания мнениями местных мыслителей, и находит только один парламент, в котором дела идут сравнительно еще довольно сносно – бельгийский – т. е. в той малой державе, которая поставлена совсем в особенные, исключительные условия существования! Любопытен приводимый им отзыв одного из выдающихся политических людей Италии: «Не странно ли, что в тот век, который подчинил себе молнию, заставив ее переносить нашу мысль в одно мгновение на край света, освещать наши улицы и жилища, такой политический образ правления „парламентарный – есть наилучшее, что мы можем иметь?“».

В чем же, собственно, вредная или неудоб-

ная сторона парламентаризма, по мнению вышеприведенных публицистов? В том прежде всего, что при постоянной зависимости от совещательного собрания невозможна никакая прочная, твердая административная власть, немислима устойчивость правительственной программы, ни последовательность в правительственных действиях. Самым блистательным тому доказательством служит Франция, где в течение 11 лет в одном министерстве внутренних дел перебивало 23 министра, а в последние полтора года сменилось шесть кабинетов, существовавших круглым числом три месяца каждый!.. Это неудобство еще не так сильно в Англии, потому что там имелись до сих пор только две крупные политические партии, крепко дисциплинированные и почти деспотически управляемые. Притом же в Англии попасть в депутаты стоит до сих пор очень дорого; избирательные голоса достаются кандидату на звание «представителя» большею частью посредством значительных денежных расходов. Но уже и теперь в Англии, с расширением избирательного права (не забудем, что в Англии рабочие

или так называемое четвертое сословие, во все пока этого права лишено), стали возникать и слагаться новые партии, и появление их в последнее время в парламенте уже оказывает свое вредное влияние на быстрое течение дел. Так как большая и большая демократизация права представительства в будущем неминуема, а вместе и удешевление способов попасть в депутаты, то в перспективе для английского парламентского режима предстоят лишь новые затруднения и новые неудобства, почти не преодолимые без коренной реформы во всем строе правления. Но в Англии конституция во всяком случае – учреждение органическое, самородное, возвращенное шестью веками истории, – а не сочиненное или заимствованное в изуродованной копии и навязанное стране государственным переворотом, как на материке Европы. Поэтому и положение парламента представляется здесь, на материке, в более жалком виде. Так, в некоторых странах или нет вовсе крупных политических партий, как, например, в Италии, а только группы, которые слагаются случайно, непредвиденно, пестро, «совершенно

калейдоскопически», и смена министерств происходит подчас совсем неожиданно, сюрпризом, или же партий так много (например, во Франции), что министерство, в погоне за большинством голосов, должно угождать нескольким партиям разом, как бы они ни противоречили между собою, и в этих внешних комбинациях истощать все свое время и силы. «Мелкие соображения, мелкие проделки, мелкая ловкость, мелкие ковы – вот в чем состоит искусство приобретать себе большинство в законодательном собрании, продолжительно существующем. Под конец в собрании только с тем и считаются, что вокруг да около, а страна забыта!..». Вот строгое слово, и не устное, а письменное... кого же? Луи Блана, незадолго до его смерти!.. Но ведь и частая перемена гг. полномочных депутатов, по условиям парламентаризма, есть частая перемена гг. «правителей», – что же представляется неудобным! Однако же Луи Блан прав: действительно, внимание министерства отвлечено от исполнения прямых его обязанностей и устремлено исключительно на ухаживание за партиями, от которых самое бытие его в за-

висимости. «Сколько приходится министру в течение года истратить ума, хитрости, изворотливости, красноречия – c'est monstrueux, это доходит до чудовищного размера,» – говорит Лавеле. «Самый тягостный труд дипломатов – детская игра в сравнении с подобным трудом... И при всем том, – продолжает он, – палата – это зыбучий песок, на котором не может осесть прочно никакая твердая администрация!..»

А между тем именно на этом «зыбучем песке» построено все политическое существование государства, по крайней мере весь правительственный снаряд, распоряжающийся судьбою целой страны! Конечно, здесь разумеются земли, где парламентский режим прилагается к делу во всей своей теоретической полноте, как во Франции и Италии; в Германии же, как известно, правительство, в нужных случаях, вовсе не слушается парламента, и этому лишь послушанию и обязана Германская империя своим бытием. При частой же смене министров, например, во Франции, – поясняет вышеупомянутый нами публицист, – «они не успевают не только при-

обрести опытность, но даже близко ознакомиться с делами; да и при отсутствии уверенности, что он твердо сидит на своем месте, не может министр и отдаться с энергией делу, требующему подготовки, систематического, медленного, искусного ведения. К тому же, лучшее время дня поглощается у него присутствием в палате, где его то и дело „интерпеллируют“, теребят, травят, где каждую минуту он рискует быть скомпрометированным»... И как ни хороша французская бюрократическая машина, но и она начинает портиться. «К какой стати, – замечает Лавеле, – будет подчиненный чиновник слушаться своего начальника, предвидя скорое его выбытие! Вот и причина, почему вместе с неустойчивостью власти водворяется бездействие и беспорядок в административной иерархии!».

Но не менее существенный беспорядок вносится и непосредственным вмешательством депутатов в область управления, – вмешательством совершенно корыстным. Депутат, так сказать, продает свой голос поддерживаемому им министру, продает не за деньги, но за места по службе для родственников,

за покровительство в местных делах, за удовлетворение местных ходатайств, которыми обыкновенно снабжают в провинции депутата при отъезде его в Париж или Рим... В Италии, в министерствах, по свидетельству самих итальянцев, открывается для депутата что-то похожее на банковский контокоррент, «с дебетом и кредитом», на который заносится каждая услуга, оказанная депутатом министерству, каждое благоприятное в пользу последнего голосование, – «и каждое одолжение, оказанное в свою очередь благодарным министерством благосклонному депутату». – Таким образом министр в полной зависимости от депутатов своей партии, и удовлетворение их требований, хотя бы несовместное с пользами службы, стоит на первом плане его забот – как необходимое «в высшем политическом интересе»: т. е. для упрочения партии и для обеспечения за правительством большинства голосов!

«Когда партия достигла власти, – читаем далее во французском журнале, – нельзя же не вознаградить тех, кому она обязана победой!»... Таково совершенно логическое требо-

вание управления – на борьбе партий основанного, – требование, достигшее до абсурда, до открытого гражданского разбоя. Но и в Европе, а в частности, во Франции, по уверению цитируемых нами писателей, «ни одна торжествующая партия не имеет возможности приискать для каждого министерского портфеля подходящего человека, а потому, как и при старом, дореволюционном режиме, случается, что там, где бы нужно было математика, перевес дается танцору»!.. Одним словом, – приводим заключение самого Лавеле, – «парламентский режим, как он практикуется на материке Европы, не только не обеспечивает передачу министерских портфелей людям наиболее достойным, но, что еще хуже, препятствует тем, кои министрами назначены (каковы бы таланты их ни были), употреблять в дело свои способности с наибольшею для государства пользою».

Далее, перебирая в частности разные сферы управления, он без труда доказывает, что «нигде не проявляется несообразность этого режима так явно, как в области дел внешней политики. В сношениях с иностранными го-

сударствами потребнее чем где-либо устойчивость правительственной системы, последовательность действий, верность традициям; мало того: министру иностранных дел необходима дипломатическая опытность, знание истории, политики, обычаев чужеземных держав» и т. д., и т. д. Возможно ли все это там, где кабинет меняется чуть ли не каждые три-четыре месяца? «В республике еще менее возможно, — отмечает названный нами писатель, — чем даже в конституционной монархии, где по крайней мере неизменным пребывает лицо монарха, хранителя исторических преданий; как бы ни была ограничена его власть, его личное, сверхзаконное влияние сколько-нибудь да восполняет недостаток стойкости политической системы. Ничего поэтому нет вреднее для правильного ведения политических внешних дел, как интерpellации и разглагольствия о них на парламентских трибунах, — причем, разумеется, министерство вынуждено бывает обманывать палату, скрывать от нее самые важные документы, составлять почти бессодержательные желтые, красные, зеленые и иные цветные

книги»... Это не мы говорим; это говорят люди, родившиеся и возросшие под парламентским управлением!..

Точно так же неудобным оказывается парламентский режим и по отношению к области военного управления... «Противно природе вещей», – и это печатается в «Revue des Deux Mondes», в самом Париже, – чтобы армия, это великое, многомиллионное тело, основанием которому должен служить дух авторитета, была подчинена повелениям или капризу совещательного собрания, меняющего ежегодно систему, или же министра, отменяемого по истечении каждого полугодия!.. Как бы ни была предана армия демократическим учреждениям своего отечества, однако ж слишком нелепое решение палаты, беспорядок в администрации, приводящий к полному расстройству или, наконец, уничтожение национальной чести могут навести армию на такое раздумье: «Нет, это уже слишком, e'en est trop; не для того я создана, чтоб быть игрушкой в руках гг. ораторов и политиканов, но для того, чтоб соблюдался порядок внутри и оберегалась наша национальная

честь на чужбине»... «Такое направление мысли – опасное, – читаем мы далее, – потому что, распространись оно шире, узурпатору стоит только появиться»...

Обратимся к области правосудия или юстиции. «Если юстиция станет также орудием партий, – говорит Мингетти, – все погибло». А между тем, по свидетельству французского журнала, во Франции начинают раздаваться жалобы, что политика уже перетягивает весы правосудия. Генеральный прокурор Парижского апелляционного суда еще в прошлом году, в официальной речи своей, прямо заявил, что «мировые судьи более заботятся о политических мнениях тяжущихся, чем о законности их требований»... Уничтожение принципа несменяемости судей и замена его выборным порядком, по мнению названных публицистов, откроет настежь двери духу политических партий...

Что ж касается до внутренней администрации, то известно, что во Франции она вся сосредоточена в Париже, и эта централизация достигла самых уродливых размеров. Она контролирует даже бюджеты сельских общин

(communes), провинций или департаментов, даже «благотворительных учреждений»; она направляет, регулирует, объемлет все отрасли, все сферы публичной жизни на всем пространстве государства. «Вся нация, – говорит Лавеле, – превратилась в государство, а государство – это министерство». Все и зависит от него... И эта-то колоссальная машина поставлена на «зыбучем песке!»... В каком направлении станет она действовать? Каких идей или страстей станет орудием? Вот вопросы, которые озабочивают каждого француза, так как жизнь каждого связана с ходом этой машины... «Это зависит от голосования, иногда от большинства одного или двух голосов... Когда государство до такой степени поглощает все общественные интересы и, так сказать, самую жизнь нации, – продолжает Лавеле, – зависимость его от непрерывного колебания парламентских распрей представляется поистине чем-то чудовищным»...

Ну, так стоит только Франции обзавестись децентрализацией, возразят нам. В том-то и дело, что искренняя, полная децентрализация, даже и не в том широком виде местного

самоуправления, в котором она существовала у нас сто лет, как сословное право дворянства или как существует теперь, при крестьянском мирском устройстве и при земских учреждениях, с их правом самообложения, – подобная децентрализация, столь свойственная России и способная к дальнейшему, еще более широкому развитию, для современной Франции невозможна. Самая централизация власти во Франции, самый этот могущественный бюрократический механизм, есть создание первой революции или той партии, которая, во имя народа и свободы, захватила тогда власть в свои руки. С тех пор она служила поочередно орудием для всех партий, совершавших государственные перевороты. Настоящая республика есть также дело партии, а не народа, и республиканская партия очень хорошо понимает, что при децентрализации власти многие департаменты тотчас же предоставят управление в руки легитимистов, бонапартистов, клерикалов, одним словом – врагов республики. Но оставим несчастную Францию, запутавшуюся в практических противоречиях отвлеченных доктрин, которые она рево-

люционно применила к жизни, и сделаем теоретические выводы из приведенных нами практических разоблачений парламентского режима.

Итак, не мы, а хозяева «правового порядка» на самом Западе приходят к следующим заключениям.

Из известной формулы «полноправного» народного представительства следует прежде всего исключить «ответственность министров» или существование «кабинетов», зависящих от большинства депутатских голосов (их нет ни в Германии, ни в Америке). Следует, одним словом, установить независимость действий административной власти от народного представительства. Едва ли такое исключение по вкусу нашим платоническим адептам конституционной теории!..

Далее: следует таковому народному представительству преградить самое административное управление страню посредством децентрализации административной власти там, где это возможно, и ограничить объем власти парламента только контролем и законодательством.

Но и при таком ограничении, разве область контроля и законодательства не представляют того же широкого поля для погони за большинством голосов, о чем с таким негодованием говорит Луи Блан и вышеназванные публицисты? Доказательство этому видим мы в Германском парламенте, где министерство, хотя и не «кабинетное» и не «ответственное», вынуждено, для успеха правительственных предложений, сманивать на свою сторону то ту, то другую партию посредством обещаний заведомо ложных, плясать на канате, упражняться в эквилибристике между партиями самым недостойным образом, — и все это ради одного-двух десятков голосов!.. Да разве наконец, хоть бы и в сфере законодательной, не бывают сплошь да рядом случаи вроде французского голосования проекта Гамбетты о пересмотре конституции, когда палата дала в одном и том же заседании два противоречивых решения? Одним словом — все неудобные, темные, вредные стороны парламентского режима повторяются во всей своей полноте и при безответственности министров и при выделении из ведения парламен-

та дел чисто административных. Как же устранить эти вредные и неудобные стороны? Иностранцы публицисты не дают на этот вопрос ответа. Правление партий, по их же уверениям, никуда не годится, по крайней мере на континенте (об английских партиях, не имеющих ничего общего с «партиями» в остальной Европе мы когда-нибудь поговорим особо). А без партий, по словам тех же публицистов, «народное представительство – толпа, разбивается на множество мельчайших групп, с особым мнением у каждой; согласовать их почти невозможно, и решения по большинству голосов выходят случайные, калейдоскопические»... Попавши в такой *circulus vitiosus*, цитруемые нами писатели не умеют из него выйти, а выход самый простой...

Народное представительство не должно иметь никакой власти. Тогда и гнаться за большинством голосов не будет надобности; но тогда и разнообразия мнений нечего опасаться, а напротив, нужно желать. Ум хорошо, а два лучше, говорит русская пословица; пусть будут эти умы не согласны между со-

бою, дело от того только выигрывает, осветится вопрос с разных сторон. И чем многостороннее рассмотрится он, чем больше умов, тем еще лучше... Но никто, конечно, не скажет: одна воля хороша, а две лучше, потому что чем больше умов и, стало быть, многосторонних направлений воли, тем труднее и соглашение. Вот мы и приходим к тем основным русским положениям, которые были уже не раз высказываемы в «Руси»: народу, Земле принадлежит – мнение, и только мнение, – разумеется, вполне свободно высказываемое; верховное же решение – единой личной верховной воле. Никакой иной принудительной, гарантирующей силы, кроме нравственной, мнение не должно и не может иметь, – да впрочем эта нравственная сила представляется едва ли не действительнее всякой внешней, формальной гарантии, всегда удобообходимой, как мы это беспрестанно и видим, хоть бы в Германии... А ответственность власти? – спросят нас. Но какую же ответственность несет перед страной за решения неправые, за решения унижительные для страны – безличный конституционный правитель-

ственный снаряд, с верховным самодержавным решением большинства голосов в депутатских палатах на Западе? А личная верховная власть несет ответственность, и ответственность тяжкую, хотя бы только чисто нравственную, – ответственность пред Богом, пред совестью, пред историей, пред страной, высказавшей прямо и свободно свою чисто-сердечную мысль... Каким образом власть может и должна узнавать эту мысль и получать нужные для нее сведения, это другой вопрос, которого мы здесь не касаемся! Мы хотели только показать, как совершенно неумно поступают те наши русские «пленники» чужих теорий и мировоззрений, которые кивают нам на существующие формы правления на Западе, – именно в то время, когда сам Запад пришел к сознанию их несостоятельности и устами своих передовых мыслителей обличает их внутреннюю ложь и противоречие с началами истинного либерализма...